

Михаил Ромм

Заветное желание



МИХАИЛ РОММ

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Стихи

Посвящается моему учителю Давыдой О.Н.

Издательское содружество А.Богатых и **Э.РА**китской
Москва–Тель-Авив
2004

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос–Рус) 6-5
Р 69

Ромм Михаил Наумович

Р 69 **Заветное желание.** Стихи разных лет (1980-2003). – Издательское содружество
А. Богатых и **Э.РА**китской (Москва-Тель-Авив),
2004. – 80 с.

Предисловие **Андрея Урицкого**

Поэтическая серия «Э.РА»

ISBN 5-93721-301-7 ББК 84 (2 Рос–Рус) 6-5

© М. Н. Ромм, текст, оформление обложки 2004

© Издательство, оригинал-макет, 2004

Что было в начале? В начале, естественно, были стихи, которые Михаил Ромм писал, как и все поэты, с ранней юности. Потом была своя компания, компания пишущих молодых людей, и был самиздат, и были свои журналы. Компания называлась клуб «Корабль», журналы – «Корабль» и «Морская черепаха». А после самиздата был Всесоюзный Гуманитарный фонд и газета фонда, и Ромм был председателем правления и главным редактором, что звучит солидно и бюрократически занудно, но в реальности было весело. Веселились в вагонах электрички, устраивая первые ерофеевские чтения, веселились в Смоленске на фестивале современного искусства, веселились в редакционном подвале. (В свободное время, конечно, веселились, во время, свободное от издания газеты, издания книг, организации выставок и концертов.) И Михаил Ромм, будучи председателем и редактором, продолжал писать стихи, но почти не публиковался. Потом Гуманитарный фонд развалился, потом перестала выходить газета. А Ромм продолжал писать стихи, потому что не мог не писать. Это тот самый случай. В 1998 г. поэт и издатель Эвелина Ракитская составила его книгу. Книга, в силу объективных, субъективных и прочих причин, не вышла, но вот **предисловие написанное Ракитской:**

«Дорогой читатель !

Вы держите в руках книгу стихотворений Михаила Наумовича Ромма, который имеет весьма отдаленное отношение к знаменитому режиссеру.

Дальше для простоты я буду называть автора просто Мишей.

Поэтическая судьба Миши Ромма складывалась до сих пор странно и грустно, хотя все еще поправимо (во всяком

случае, по официальным меркам Союза писателей он почти ребенок – родился в 1961 году...)

Те, кто знаком с литературным движением начала 90-х, помнят Гуманитарный фонд им. Пушкина, Газету «Гуманитарный фонд» и ее главного редактора – Мишу Ромма. В воспоминаниях наивных современников (ибо все это – уже история) Миша может остаться кем угодно: вездливым чиновником и начальником; добрым и смешным редактором, печатавшим всех подряд и верившим в какой-то «плюрализм» в искусстве; «хитрым», на манер героев Шолом-Алейхема, бизнесменом, закончившим свою деловую карьеру так же, как они... А хотелось бы, чтоб Ромма запомнили и в главном его качестве – в качестве поэта.

«Несмешная это повесть,» – так характеризует свою творческую судьбу сам автор. К сожалению, мы (те, кто проработал рядом с Мишей несколько лет) мало интересовались его стихами, доверяя известному мифу: мол, тот, кто хорошо пишет, не станет заниматься общественной деятельностью и тратить время на убыточную газету, где иногда, среди прочего, поместит и свои три-четыре стишка...

А между тем объясняется всё очень просто – характером. Те, кто хорошо знаком с Мишей, знают, что он скромнен и застенчив, а если и нападает на кого-то – так исключительно от страха (см. «Заветное желание»). С такими качествами в литературе «пробиться» трудно. Особенно же это было трудно в среде так называемого «параллельного» искусства (или искусства «андеграунда»), которое, стремительно вырвавшись из подвалов на свет божий в конце 80-х – начале 90-х, поразило мир не только своими несомненными достижениями, но и таким удивительным самодовольством, наглостью и напором, что и Пушкин, наверное, не устоял бы и захотел бы сжечь все свои стихи (за то, что в них всё же маловато постмодернизма).

Миша Ромм – настоящий идеалист, то есть человек идеи. Он любил и любит всех поэтов (жаль, что меньше всех – себя). С тех пор, как закрылось его создание – Гуманитарный фонд – он ходит на какую-то службу и тоскует... Признаться, я думала, что в последние годы Миша стихов не писал. Оказалось – потихонечку пишет... «Почему же ты не дал их для книги?» – удивилась я.

Автор, верный своим оригинальным жизненным принципам, ответил: «Если я издам все лучшее сразу, то что же останется на потом?»...

Мне это предисловие не нравится, но Ромму почему-то оно близко... На основе отобранных Эвелиной Ракитской текстов я составил небольшую подборку стихов Ромма и поместил на сайте Крымского клуба (www.liter.net). К подборке мною было написано крошечное вступление (которое, полагаю, вряд ли понравится Ракитской)*:

Рассказывают, что когда-то, в первой половине 90-х Миша Ромм пришел в журнал «Новый мир» и принес свои стихи. зав. отделом поэзии Олег Чухонцев долго их читал, перелистывал, просматривал и затем спросил недоуменно: «Может быть, Вам стоит попробовать писать для детей?» – Лучшего предисловия не придумаешь. – Стихи Михаила Ромма это стихи взрослого мужчины, навсегда сохранившего в себе остатки, осколки сознания ребенка. Он никогда не играл в детство, в странность, в примитив – он такой и есть, нелепый человек, мечтающий стать трехголовым. И страхи, и ужасы у него не страшные – с ними легко справиться, проснувшись утром и почистив зубы.

*Ну и зря, дорогой Андрей, – мне твоё вступление и предисловие очень нравятся. (Прим. Э. Ракитской)

Жизнь трагична, но всегда остается возможность увидеть хороший сон о счастье.

Постепенно детская наивность естественным образом сменилась ностальгией по детству. А стихи остались в каком-то высшем смысле безыскусными – при вполне основательной классической выучке.

Сейчас, имея перед глазами более представительный корпус текстов, я вижу, как менялась поэзия Михаила Ромма. Ранние стихи его отмечены не только поэтической юношеской тоской («И никто Не ответит: зачем эти мысли о жизни, о хлебе? И зачем я родился, и погибну – за что?..») – они красочны, разноцветны, в них есть яркие визуальные образы:

И я слежу, как темнота редет.
Вот солнце взгромоздилось на предел
Багровых крыш, застывших пламенея.
Дом на мгновение словно потемнел,
Вдруг вспыхнул окнами, как флагами на реях...

Что не случайно: Ромм занимался живописью, закончил художественно-графический факультет пединститута. К концу 80-х в его стихах усиливаются иронические интонации, усиливается то, что я называл «сознанием ребенка»; взрослея, поэт избавляется от расплывчатой элегичности, его стихи становятся более конкретны, они сильнее впаяны в мясо жизни. Но сейчас Михаил Ромм пишет другие тексты. Он по-прежнему ироничен, по-прежнему любит сонеты, но нарастает чувство разочарования, ощущение

прожитой, ускользнувшей жизни, и можно было бы сказать, что это – главная тема сегодняшних стихов Ромма, если бы он не знал о своей конечной правоте, о том, что у него на ладони лежит шарик мироздания, что он, поэт, живет в центре мира и беседует с Создателем (Богом, которого нет, как написал когда-то Михаил Ромм). И эта беседа, спокойная, неторопливая, иногда странная и нелепая, продолжается.

Андрей Урицкий

Михаил Ромм

* * *

Бледно-зеленое горе, как руки русалок,
Воздухом стало холодным и влажным.
С моим маленьким голубем белым, бумажным
Выхожу
И его отпускаю устало.

И смотрю, как он, с ветром сдружась,
Поднимается в серый простор,
И на миг ощущается связь,
И на миг прекращается спор.

Он белеет неслышно,
Пока дождь перестал на мгновенье,
И торжественно скорбен его неумелый полет.
Как ему одиноко! Вот и замерло дуновенье.
В тёмное-тёмное зеркальце лужи
Медленно он упадет.
Под ноги дворнику.
Крыши в ясном небе,
Как могильные плиты бордовые... И никто
Не ответит: зачем эти мысли о жизни, о хлебе?
И зачем я родился, и погибну — за что?..

1980

Заветное желание

* * *

Поутру прекратятся дожди,
В мироздание опять перемена.
И опять у меня впереди
Полутайные мысли катрена.

А сегодня нарциссы цветут,
Одиноко на клумбах белея,
А сегодня последний маршрут
Совершает привычный троллейбус.

А сегодня мне не о чем петь,
Кроме счастья моей неудачи,
Да еще про дождливую сеть
И про то, что не будет иначе.

Я стою под холодным дождём,
Всё во мне как-то странно смешалось:
Одиночество, грусть о родном,
И любовь, и покой, и усталость.

* * *

Кто-то сыплет снег из высоты
И лица не открывает нам.
Мир от изумления застыл,
Простирая руки к небесам.

И никто сомненья не решит,
И открыт мучительный вопрос:
Почему свод неба так звенит
И душа так жадно просит слез?

1981

Ничего не случится

Утром опадают мокрые желтые листья.
Так было вчера.
Мне страшно...
На странице разорванной: «А.Кристи
Пишет роман...»
Это в башне
Одиночества каждый,
каждый томится,
Живёт, не решаясь в тайне открыться —
Вдруг скрывать ему нечего?!
И ничего не случится
Этим вечером.

17.09.82

Сонет. (Рассвет)

Открыл глаза и увидел рассвет.
По комнате прогуливался ветер.
Мне радостно на этом чудном свете,
Но радости мучительнее нет.

Еще вопрос, еще ночной ответ
Во мне звучат, но тают звуки эти.
Я радуюсь, как радуются дети,
Что я проснулся и еще раздет.

И я слежу, как темнота редееет.
Вот солнце взгромоздилось на предел
Багровых крыш, застывших пламеня.

Дом на мгновенье словно потемнел,
Вдруг вспыхнул окнами, как флагами на реях...
А я-то просыпаться не хотел!

Душа

Парить на высоте и видеть с высоты
Высотные дома конструкций незнакомых,
Развалы площадей и улицы хвосты,
Когда летишь по воздуху пустому.

Не то чтобы паришь, но под тобой просторы
Качаются, плывут, склоняются к тебе,
И, наклонив плечо, ты падаешь с опоры,
И выстроив спираль, спускаешься к ходьбе.

Спускаешься назад и учишься ходить
По согнутым путям, ненужным тротуарам
В искусственном лесу, где нечего разбить
И некого убить одним ударом.

Присядешь на скамью в разрушенном дворе
И вспомнишь, как смотрел на эти окна ты,
Когда еще не мог ты все это стереть,
Парить на высоте и видеть с высоты.

* * *

Внезапно по небу чиркнула дрожь,
Сверкнула молнией и взорвалась.
И рухнул нервный холодный дождь,
Слепя асфальт и злясь.

И нет защиты от тьмы сырой,
Внезапной ночи, тревог и бед.
Стучится ветка худой рукой
В окно, где больше не дышит свет.

И ты затаиваешься впотьмах,
С трудом в гортани удержишь крик.
Сильнее грома ударит страх...
Остановленный вспышкой миг.

1983 – 2004

Сонет. (Судьба)

Судьба — как лёд, как лёд — хрустальный скол,
Не убережешься от твоих пощечин,
Нет, мой бумажный череп слишком прочен,
Не то б он раскололся и расцвел.

И ночи одуряющий укол
Впивается и отпустить не хочет.
Дня больше нет, а есть движение к ночи,
И мячик сердца: здравствуйте, футбол.

Отчаянье, отчаянье, провал.
И замок мой — холодная кровать.
Галлюцинаций угольная гарь...

Культипкой в небе месяц помахал,
Устав в чужие окна наблюдать
Фрагменты счастья — радужный фонарь...

1983

* * *

Стенную сырость осень расписала —
Торжественный и траурный узор.
Ей тяжело забыть про летний вздор.
Она устала. От всего устала.

Дожди всё реже. Солнце заболело,
И по утрам на лужах корка льда.
И башня дома за углом налево
В туман осела... Может, от стыда?

Пинг-понг в пионерском лагере

Белый шарик
скок-скок, —
Два спортивных подростка
Забывчиво, долго и хлётко
Направляют его.
Щёлк.
Щёлк.
В тишине под соснами, вечером, и
Может быть, с их вершин опускается сумрак и всё
Очертанья теряет свои.
Мир закручивает и несёт.
Белый шарик всё ещё виден.
Белый шарик:
скок-скок.

6.02.84

В это время

Именно в это время приходят дожди,
Именно в это время, когда наконец
Весна в свое право вступает,
Когда одиночество в грязном подъезде чихает,
А почки набухли, вернулись и грач, и скворец,
И так замечательно всё у тебя впереди...

Прежде, чем листьям родиться,
Белому снова разлиться,
Прежде, чем счастьем раскрыться
Белым цветком на груди...

Именно в это время приходят дожди!

Лесная школа

Голубиные яблоки на морозе...
Черные точки за белым забором...
Срываешь мякоть, кого-то привозят...
И ветки — записи разговоров...

Мы гуляем. Ворота открыты,
Можно выбежать — да не уехать.
И не голодный, а только битый,
Но вне забора для всех — помеха.

Поздний вечер. Окно в туалете...
Так понимаешь в одиннадцать лет,
Что если и нужен кому-то на свете,
То только Богу, которого нет.

Сонет. (Письмо)

Я жду письма. Никто не пишет мне.
Который месяц пуст почтовый ящик.
По лестнице спускаюсь в тишине,
Спускаюсь к пустоте его блестящей.

Вновь под ногами ляжет лужи хруст...
Из дома выхожу, ища спасенья.
Март холоден и чист, и ящик пуст,
Весенним утром тронуты ступени.

Я жду письма. Никто не пишет мне.
Но вдруг... О наконец! Веселый, смелый
Взлетел в необозримой глубине
Сияющего неба голубь белый.

В лазури облака, антенны, крыши...
Как мог я говорить, что мне не пишут!

Одиночество

(из Райнера Марии Рильке)

Оно как дождь. Встает над морем
И движется в медлительном просторе
Навстречу вечерам, что с ним не спорят.
И к небу одинокому плывет,
И падает на город темный свод,
Дождем пропитан. Вдоль окон стекает,
По улицам, что повернулись к утру.
Когда ж в одной постели засыпают
Тела людей перед рассветом мутным,
Разочарованные близостью минутной,
И отчужденно закрывают веки.

Тогда ручьи дождя объединяют реки.

Вступление

(из Райнера Марии Рильке)

Кто бы ни был ты, но вечером из дома
Выходи, в нем комнаты пусты.
Последний, на краю пространства, дом, где всё
знакомо.

Кто бы ни был ты.

И, взгляд освободив от дряхлого порога,
Ты дерево увидишь пред собой.
Оно на фоне неба одиноко
Возникнет стройной черною строкой.

И ты создашь свой мир, и он велик,
Он — точно слово, что в молчанье зреет.
Но только смысл душа понять сумеет —
Твой взгляд его отпустит в тот же миг.

Спящая царевна

Журавли летят напевно,
Веют ветры сном.
Там, за лесом, спит царевна.
Тишина кругом.

Там за лесом дремлет солнце
В золотой норе,
И застыло веретенце
На ковре.

Спят деревья и не дышат,
Леший, тих и сед,
Прикорнул. Печали тише
Спящий в чаще след.

Ожиданье. По дороге
Едет. Едет ОН?!
Но молчит покой глубокий —
Это только сон.

Еврейская мелодия

Метели тело билось за окном.
На чердаке забытый ветер выл.
В тумане белом плавал тихий дом.
Я дверь закрыл.

Сиял в морях садов Иерусалим,
И ангел вечный город осенил...
Фонарь, один над миром недвижим,
Рассказывал мне сказку и... забыл.
Сиял в морях садов Иерусалим.

Перед грозой

Тополиный пух один
Не боится гибели,
Не боится смерти,
Радостно кружа,
И, дождём подкошенный,
В адской круговерти,
Ляжет он на землю,
Семечко прижав.

Он летит восторженный,
Чувствуя, наверное,
Как крепится облако,
Как удушлив зной,
И разносит легонький
Счастье безразмерное,
Кем-то успокоенный,
В час предгрозовой.

На станции

На темной станции с бессмысленным названием,
С туманным одиноким фонарём
Осталось наше теплое дыхание
И снега осторожное сверканье
В заморожённом воздухе ночном.

И, словно две испуганные тени, мы замерли,
Свой взгляд остановив
На снеге в ощущении паденья
В ночную бездну с именем любви.

Сонет. (Рябина)

Как будто эта осень онемела —
Беззвучно пляшет утренний туман.
Рябина незаметно заалела,
В молчании сошедшая с ума.

И птица машет крыльями несмело,
Потерян звук, как будто талисман,
И листьями асфальт похолоделый,
Как бы узором золота, заткан.

И вот с утра в домах не гасят свет,
Беззвучно всюду бродит разговор,
И смысл его для каждого секрет.

Беззвучно открывает светофор
Беззвучному движению простор...
Мольба... и безразличие в ответ.

Кленовый лист

Лист кленовый,
Желтый мазок в вышине...
Взмах – и снова
Вниз ко мне.

На повороте –
Как будто руками воздух обняв,
И беззаботен,
Еще не упав.

Огромной бабочкой, покинув лес –
Малиновым шлейфом в нежнейшей сини небес...

И вот лабиринты жилок
Уже видны на просвет,
И, как румянец жизни,
Оставшийся с краю зеленый цвет.

Рукою закрыл мне глаза,
Прохладен и строг.
По куртке погладил, шурша,
И на асфальте сиреневом лег.

Вновь, подхваченный ветром,
Повернулся в последний раз
И торжественным матовым пеплом
Погас.

23.09.87

Утро

Окна теплеют, дышат
В них огоньки сознания.
Туман проснулся на крышах,
На жестком большом диване.

Музыка оживает.
Тает туман близорукий.
Птицы скользят и взлетают,
Роняя черные звуки.

К окнам, желая согреться,
Утро прижалось синее.
В комнате пахнет детством,
Пушкиным, мандаринами.

Сонет. (Бабье лето)

О эти дни, они быстрее всех
Дней года прочь бегут, и потому
Они прекрасны, может быть, как смех
Осенних листьев в солнечному дыму!

Еще малина, чудом уцелев,
Висит в кустах до первого дождя,
И каждый день, сверкнув и прошумев,
Уносит всё с собою, уходя.

Какими заговорами сберечь
Недолгое осеннее тепло!
Оно уходит. Память наших встреч —
Заплаканное мокрое стекло.

Погибнув, листья падают с ветвей,
И горек привкус нежности твоей.

Южное лето

Когда доводы солнца изложены,
И уже в темноте не видны
Ни оттенки водою умноженные,
Ни узоры на брюхе волны,

Он на голос не откликается
Непонятный, гудящий текст –
Это в море объединяются
Миллионы простейших существ...

Ночи лета, как будто украдены...
А когда глаза закрываются –
В воду с шорохом осыпаются
Звезды – крупные виноградины.

Сонет о Сонете

Когда ворочается медленный сонет
Внутри меня, тяжелый и упорный,
Я чувствую, что я большой поэт,
Я – памятник себе нерукотворный.

Душа в слезах, а в думах нет
И следа непоседливости вздорной:
Вот-вот он, стройный, явится на свет,
И в жизни станет чище и просторней.

Как ручейки, стекаются слова,
И перламутр, хрусталь и синева
Сливаются в потоке многоводном.

И вот, когда сей дерзновенный муж
Могучим голосом взывает всенародно,
Вдруг ясно понимаешь — порет чушь...

Заветное желание

Я хотел бы стать Драконом,
Огнедышащим весьма.
Чтоб гулять с приятным звоном,
Леденящим, как зима.

Чтобы крыльями стальными
В солнце яростном гореть.
Чтобы желто-золотыми
Зенками на вас смотреть.
Чтобы, улыбаясь в счастье
Меж веселеньких дымков,
Обнажали все три пасти
Ряд ужаснейших зубов!

Да...

И горлом трехголовым
Я сказал бы вам тогда:
«Если кто обидит снова,
То...

я не знаю, что я с ним сделаю...»

* * *

По ночам, когда я в комнате один,
Сытно в ней мое гуляет зло, –
Топают, вздыхают тяжело,
Лезет из сознания, из глубин...

Закрываю двери на засов,
Затыкаю щели на окне,
Нечего мне прятать от воров –
От кошмара спрятаться бы мне!

Зажигаю лампы в сто свечей,
Все огни моей ночной тюрьмы,
Только зло при электричестве страшней,
И видны все закоулки тьмы.

И тогда мне хочется кричать:
«Боже мой, ведь я не так уж плох!»
Зло смеется: «В том-то и подвох –
Надо и за малость отвечать!»

Надо и за малость отвечать.
Карлик, волосатый исполин –
Зло смеется на моих плечах...

Как мне часто хочется кричать
По ночам, когда я в комнате один...

Безобразный сон ночной

Как пугает, как пугает
Безобразный сон ночной...
Догорает на проспекте
Феолетовой свечой;
Бесконечно отдаленный,
Словно звезды в высоте,
Он проходит серым звоном,
Проникающий везде.

Твой рукатый, волосатый,
Полосатый Херувим –
Он ни пулей, ни лопатой,
Ни зарей не уязвим.
Прыгнет, шмыгнет черной жабой
Где-то в самом животе
И замрет вверху прорабом
На строительном мосте.

Прыгнет, скокнет, ожидаем
Весь в огне и весь в броне;
Снова жирными руками
Он копается во мне... –
Преклонись перед величием
И признай, что ты – говно,
И тогда я богом птичьим
Отпущу тебя на дно.
И, собрав остатки легких,
Я сиплю ему: не на...
Я встаю в своей коробке,
Размотав остатки сна.

Михаил Ромм

Одеваюсь, умываюсь,
Быстро чищу пастой рот,
Достаю щепотку чаю
И пайковый бутерброд,
И к работе, точно к бою,
Электричеством дыша,
Вот – в одном строю со мною
Люди некие спешат...

Липа цветёт

Приятным летним вечером
На лавочках народ:
Толпится – делать нечего –
Старушек хоровод,
Сидят и двое мальчиков
В веселеньких рубашках.
Хохочут двое мальчиков
В рубашках нараспашку.
И мутными глазенками
Аж юбки шевелят,
И толстыми губенками,
Небрityми усенками
Губасто матерят.
А рядом баба пьяная –
Вся личность в синяках...
А липа-то медвяная,
Цветет – ну прямо страх...
А вечер италянится
И наполняет сквер,
Где все это и тянется
Поскрипываньем сфер...

Будильник

Наконец, я ушел. Он остался с тобой.
Ведь остаться ему – пустяк...
Слишком громко считает будильник мой,
Оттого не уснуть никак.

А ты счастья такого сама не ждала,
И я рад, что остался он, рад!
По горошинам время бежит со стола,
Слишком громко минуты стучат...

Мне тоскливо немного... но лишь оттого,
Что я сам не любил никогда...
Ах, проклятый будильник, не бить же его, –
Вечно спать не дает ерунда!

Сонет. (Зеркальный магазин)

Я захожу в зеркальный магазин,
В котором продаются отраженья
Витрин, и пешеходов, и машин.
Куски домов и бурное движение.

В колесах отражения мужчин
И женщин отраженные сомненья,
И покупатель, выбравший один
В глазах моих цепь долгих отражений.

Вот отражение в луже, вот ее
В стекле витрины ясное подобье,
Вот девочка, что в зеркале идет

И смотрит на продажу исподлобья,
И, брошенный по бесконечной дробе,
Булыжник, что действительность вернет.

12.88

Незнакомка

Ну вот опять, как будто не было...
И с малых букв не начинали,
Как будто в треснувшее небо мы
Еще глаза не подымали, –

Ко мне опять приходит старое,
Давно осмеянное мной,
С тоской дешевой и гитарною
Накатывается волной.

И то ли заклинанья жалко,
Давно утратившего смысл...
Я повторяю, как считалку
Или приснившуюся мысль,

И напеваю по обрывкам,
И строфы путают места...
Я ненавижу их попытку
Всего меня перелистать!

Но вот опять: «пройдя меж пьяными
Всегда без спутников одна
Дыша духами и туманами
Она садится у окна»...

И веют... знаю, Кем закован я,
Куда меня хотят увлечь...
Еще бы ладно – бред знакомого,
А то ведь признанная вещь!..

Стихотворение о травке

За два дня листочки повылазили,
Тут же и цветочки расцвели.
И бессмысленное сердце радо празднику,
Радо обновлению земли.

Рады травке многие и многие,
Мертвецы — не только что живые...
Радуются солнышку безногие
И безрукие глухонемые...

И от радости такой кричать бы:
Для чего опять, опять расцвет,
Если ничего тоскливей свадьбы,
Ничего страшнее жизни нет?!

Детки бегают; а мне приснился
Нынче неприятный сон,
Будто бы я в Ужас превратился
Под зеленый шум и перезвон.

... В ядовито-зеленом раю
Я лениво поворачиваю хобот:
Черный, свежавыкрашенный робот
Робко постучался в дверь мою...

1986

Плохой

У меня восемнадцать рогов,
И глаза у меня на затылке.
И еще не хватает мозгов,
Да и руки похожи на вилки.

И еще — нет бровей и ушей.
И совсем не блестящие зубы.
Но хоть правда, что ем я мышей,
Я зато в разговоре не грубый.

От меня отказались давно
И друзья, и враги, и родня...
Я плохой, только вы все равно,
Все равно полюбите меня!

1986

Заветное желание

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Читаю, пасквили пишу,
Учу детишек неразумных
Или врагов своих крушу,

Весь день я ерундою занят,
А мне бы делом заниматься:
Лежать, обнявшись, на диване
И целоваться, целоваться...

Но так как ты жена чужая,
А от других меня тошнит,
Еще я моль уничтожаю,
Чем скоро стану знаменит.

1987

Белая собачка

Я иду – веселый
Пионервожатый.
А за мной толпою
Топают ребята.
С рюкзаками, компасом,
И в кармане – карта, –
Вот таким вот образом –
Полные азарта.

До воды дошли мы,
Радуюсь, скачем...
Видим:
Утопили
Белую собачку.
С тяжестью на шее
Прямо в речке Истре...
И бежит над нею
Слой водички быстрой.
Голова почти на дне,
Но из глубины
Виден хвост ее вполне,
И лапки видны...

У меня значенья
Дети вопрошают.
А ее течение
Медленно качает –
И молчу, подавленный
Этою картиной...

Заветное желание

Будто сам удувленный
Речки посредине.

И иду я мимо –
Пионервожатый.
А за мною следом
Топают ребята.
С рюкзаками, компасом,
А в кармане – карта.
Вот таким вот образом –
Полные азарта...

Звездные войны

Проходит время, детки
По-прежнему шумны.
Их танки и танкетки
Идут тропой войны.

Я по двору шагаю.
Во мне пятнадцать дыр...
В войну они играют,
А не в «борьбу за мир»...

Переезд

Дом чужой, где так много моих вещей,
Где так много моей души,
Погоди, я стою у твоих дверей –
Неуютом своим не шурши.

Так разваливается скорлупа,
И – вперед, и – на белый свет,
Но оглядываешься, упав,
А тебя вроде как бы и нет.

Можно вывезти всё до стен,
Даже воздух выкачать весь...
Но когда я уеду совсем,
Все равно я останусь здесь.

Прогулка с собакой

Пуще кошек ненавидишь поводок,
На него набрасываясь зверем,
Дернешься – и воздуха глоток
Перехватит острым недоверьем.

Ну не рви – я отстегну его...
Что ж не убегаешь ты, однако?
Или ты не хочешь ничего?
Не смотри в мои глаза, собака...

Так прошел свободный понедельник,
Ничего придумать я не смог.
Поправляю шарф, как бы ошейник –
Скоро мне опять на поводок.

На выставке Шагала

И люди выходили,
Садилась на животных,
И ездили по залу,
И прятались в углах.
Старушки их ловили:
«Не трогайте руками –
От этих красок будут
Мозоли на руках».

И я ходил и ползал,
И говорил: «Не надо»,
И я молчал: «Не надо»...
Ведь много было их.
А сам – как будто с козел,
Как будто бы оттуда,
Как будто бы и сам я
То красный, то жених...

И каждая из женщин
Казалась беззаботной.
А все мужчины были
Невежливо умны...
А после, у подъезда,
Прохладою налитый,
Качался я, как шарик,
От лапок тишины.

Хлорелла

Я выращиваю хлореллу.
Это очень приятное дело.
Я не думаю о хлорелле.
Я держу ее в черном теле.
Не кормлю ее по неделям.
Удивительно, в самом деле...

А хлорелле в стеклянной баночке
На еду глубоко плевать.
И вы можете даже цыганочку
Возле банки ее танцевать:
Равнодушна она к упадочным
Человеческим существам.
Для нее лишь одно загадочно –
Как я кушаю по утрам.
Ей не мяса и не яишенки –
Ей бы солнышка из окна...

Что смеетесь, двуногие хищники?
Вы попробуйте, как она!..

Заветное желание

* * *

О.Б.

Ты будешь моею женой.
Я встану пораньше с утра.
Навалится время стеной.
Проспал на работу вчера.

И денег бы надо достать.
И все, все не как у людей.
А как еще хочется спать –
Без слов, без любви, без затей.

Пью чай. И скорее бегу.
Нелепый же я человек!
А улица снова в снегу.
И сыплется, сыплется снег.

Падающие звезды

Ветер спрятался от холода на крыше –
И милиционерам не достать.
Детям снится – кто-то белый вышел –
Чтобы звезды облетевшие собрать.

Детям снятся не конфеты, не варенье,
Не от папы с мамой нагоняи, –
Детям снится – всем одновременно –
Как из дырки в сумке
Звёзды он роняет...
Он роняет счастья целые пригоршни...
Вот и ветер позабылся пьяным сном.
Счастье – видеть вместе этот сон хороший
Об одном и том же, об одном...

Заветное желание

* * *

Слова, что кажутся случайными,
Напоминающими бред,
С какой-то стройностью отчаянной
Выплескиваются на свет.

И звук отпущенного голоса
Окажется на мостовой.
Стоит он голый ниже пояса,
На площади – городской.

Уже не слово, мною сказанное,
А сам я на виду у всех
Глотаю слезы и размазываю,
И поднимаю руку вверх...

1988

* * *

Когда до лезвия обидно,
Представь себе, что птица ты.
И видишь – все не так солидно
С километровой высоты, –
И небоскребы, и атлеты,
И самураи, и война...
Величье каждого предмета –
Всего лишь видимость одна.
Не надо глупости стесняться,
Когда витаешь в облаках.
Там легче мудрым оказаться,
Чем здесь остаться в дураках.

* * *

Пусти меня к ручью
Из камешков сложить
Запруду.
Возьми меня, прошу,
Прими в игру свою,
Могу я победить
Живое чудо.

Пусти меня к воде,
К холодному ручью,
Где камешки на дне.
Вода сметает все,
И я не устою,
Но шаг подвластен мне.

Квартира 17, Измайловский проезд, 3.

Я никогда не появлюсь уже
В той комнате на пятом этаже.
Я больше никогда не появлюсь
В той комнате, что знаю наизусть.

В квартире, где, еврейший из евреев,
Пел русские романсы Тимофеев,
Там, где Лямпорт – несправедлив и груб –
Планировал литературный клуб...

Здесь, у окна, где я когда-то жил,
Где ночи за стихами проводил,
Шумел, шумел – почище взрыва газа –
Великий кривоносый Карамазов.

Большой Егоров – робкий, как подросток,
Сапожников с улыбкою кривой,
И женщины, которых так непросто
Перечислять. Ведь нужно по одной...
Они входили в узкий коридор...
А вот и я несу какой-то вздор,
Четыре музы на двери теснятся.

Но я не там и знаю наизусть –
Я больше никогда не появлюсь...

1998

Феникс

Бежит душа от вечной ночи,
И говорится так легко:
«Еще кузнечики стрекочут,
И, значит, осень далеко».

И, значит, жизнь еще хохочет,
Не попадая в рукава,
И дом мой прост еще и прочен,
Как многолетняя трава.

И после смерти, как та птица,
Назло Великой черноте
Жизнь хочет солнцем засветиться
На неба поднятном щите,

Чтоб слов ловец и переводчик
Вдруг вывел на листе легко:
«Еще кузнечики стрекочут
И значит – осень далеко».

13.08.97

Баллада. (Вариант)

Вагон стучал на четверть с точкой,
И грохотал на стыках рельс
Невнятной музыкальной строчкой
Неуправляемый оркестр.

И мчался поезд, раздражаясь,
Отсчитывая часы,
Как будто рвался, задыхаясь,
В объездах лесополосы.

Качался, весь окутан снами,
Вагон, схвативший провода,
И в темноте неслась за нами
Неотстающая звезда.

Звенел стакан с остывшим чаем,
И, словно через сотню лет,
Вдруг засветлел, уже нечаем,
Проклюнувшийся рассвет.

И лесополоса неслась,
И музыка рвалась из тела,
И обещала, и звенела,
Что не обманет в этот раз.

1997 – 2003

На кухне

Серый снег на листьях желтых,
Чашка чая на столе.
Этот пункт, куда пришел ты, –
Бледный луч на круглой мгле...

Чай, плита, белье над нею –
Отодвинутая тьма.
За окном оцепенела
Неприкаянность сама.

Здесь мои координаты.
Вынь затычку, и тогда
Булькнут имена и даты –
Уходящая вода.

Не на службу ли ушел ты?
И остались на Земле
Мокрый снег на листьях желтых,
Чашка чая на столе...

1993

Зимние каникулы

Помню, когда елку убирали,
Становилось в комнате просторно...
На столе войска маршировали
С флагами из мятого картона

Кровь лилась и прогибались латы,
Полководец – жив моею волей...
Я ему и бог и император
До тех пор, пока не думаю о школе.

Но всегда каникулы кончались,
А мое ученье начиналось,
И к себе солдаты возвращались
Или то, что от солдат осталось...

1993, 1997

Поздняя осень

Вот уже и листья почти все опали,
Проездной октябрьский просрочен,
В пролежнях зеленых травяных опалин
Потускневший желтый холодом прострочен.

Словно зачарован, в городских кварталах
От опавших листьев задышал асфальт.
Пахнет первым снегом, пахнет снегом талым,
Что кружился в небе пару дней назад.

Кистью в длинный свиток вписан новый день,
Осака и Лондон, Гамбург и Пномпень...
Всплеск прощальный цвета – поздние цветы,
Да на остановке мокрые зонты.

11.88, 1997

* * *

Ногами вверх кричишь ли что
Или почти «под Пушкина»,
Но нам отпущено лишь то,
Что нам отпущено.

Кто будет выбран в свой черед,
Хоть он – само смирение, –
Немного пишет, больше – пьет,
А станет гением...

А ведь не рыпался, не лез,
Совсем не тужился.
...Но кто заброшен в этот лес –
Кричит от ужаса.

1988

Заветное желание

* * *

Как странно скроен этот март,
В неясной жажде и томленье,
Он весь как недоразуменье
Рассыпанных игральных карт.

И заразителен азарт
Мучительного вожденья,
Горенья, что чревато тленьем,
И тишиной чреватый гвалт.

Мысль, как дыхание проста
Не потому ль, что жизнь пуста,
А кот сигает на меня – чего-то хочет...
Концом пушистого хвоста мне нос щекочет.

2002

* * *

Лабиринт узорных веток, запорошенный снежком.
Хорошо сидеть на кухне, слушать сумрак за окном,
И оттягивать минуту появления во дворе,
Где шуршит лопатой дворник в синем снежном декабре.

И я, пригревшись, засыпаю: где-то там, подобный Мотре,
Серый сумрак законный на меня с прищуром смотрит.
Смотрит на мое окошко сквозь оптический прицел,
И я ему кажусь, быть может, просто мухой в леденце.

А я лечу, спиной прижавшись к теплой кухонной стене,
И со мной летят деревьев проступающие тени,
И дома летят на шаре, как на резвом скакуне,
И проносится комета мимо солнца в отдаленье.

2002

Заветное желание

* * *

Мне не светит Нобелевская премия,
Дача в Ялте, яхта и «Ферарри»,
Чтоб моим ребенком забеременеть
Все на свете женщины мечтали.

Через сто лет или через тысячу
Не придет посмертное признание.
Я никто, и это каждый тычет мне.
Просто быть никем – мое задание.

Жизнь не вышла, поздно и надеяться,
Даже в лотерею я не выиграю,
Вот сейчас меня подхватит мельница,
И беспомощно ногами я задрыгаю.

Но зато меня от созерцания
Пустяки почти не отвлекают.
На ладони шарик мироздания
Драгоценной капелькой сверкает.

2002

**Сонет
Егорову А.П.**

Мне сон звучит мелодией знакомой:
Ко мне приехал в гости давний друг,
И мы сидим с ним в комнате огромной,
Где прячется за окнами испуг.

Здесь все покрыто плесенью зеленой,
Обои вздулись и приглушен звук.
А я так рад, слегка лишь удивленный,
Что как-то необычно все вокруг.

Я тороплюсь скорее сделать чаю
И прочитать очередной сонет.
Чем угостить еще его, не знаю.

Ведь мы не виделись так много лет...
И тут я все внезапно вспоминаю.
Ведь ты же умер! – он, с улыбкой, –
Нет.

Светотень

О, как горят на солнце купола
В осеннем небе, проясневшем вновь,
Похожем на старушкину любовь,
К поросшей внучке, что по-детски зла.

И синь небес, как взор ее, светла,
Так, что почти поверить ты готов:
Совсем не существует облаков...
Когда б не тень те зданья соткала.

Тень соткала собой весь этот вид,
Весь этот замечательный пейзаж,
Где девочка на роликах кружит.

Она не слушается и впадает в раж,
Она ужасно бабушке дерзит.
Бежит по лицам тени карандаш.

Ночные страхи

Когда ночные страхи отступили,
Легко забыть, как долго ночь тянулась,
И Утро, расправляющее крылья,
Взглянуло на тебя и улыбнулось.

Вчера лил дождь, и ветер рвал палатку,
И злые змеи прятались впотьмах,
А нынче...

 Ты вдыхаешь воздух сладкий,
И птицы расшумелись на ветвях.

Шагни к реке, где маленькие рыбки
Почти к твоим ладоням подплывут...
Не ради ль этой утренней улыбки
Ты, человек, оказался тут.

Сонет. (Золотые листья)

Наткнулся я на Осень просто так,
Найдя ее по недоразуменью,
Так иногда находится дензнак,
Который вышел из употребления.

Любуйся же на листики – чужак!
Откуда это странное сравненье?
Не золото, к большому сожаленью –
Свеченье это – форменный пустяк.

Так, утомленный жадными мечтами,
Я, наконец, нашел пиратский клад.
Сокровища у ног моих лежат,

Я медленно взрываю их шагами,
Они так замечательно шуршат.
Спасибо, Осень, я теперь богат.

Ночь

Крадется ночь на мягких лапах,
Зеленоглаза и быстра.
Как будто бы бредет на запах
Вдали горящего костра.

Туман клубится над водою,
Шуршит, потрескивая, лес.
И поглощает тишиною
Двух торопливых весел плеск...

Лежат, как в древности когда-то,
В давнишней жизни кочевой
Последние клочки заката,
Проглоченные синевой.

И светятся...

Где будем ныне,
Где голову с тобой склоним,
Где котелок помятый вынем
И гречку нашу доедим?

Я иду, луна плывет
в небесах,
Нет, стоит,
как часовой на часах.
Просто облака по ней бегут,
Открывают звезды,
звезды жгут.

Как траншеи, их копали мужики,
Мужики с лопатой – не с ружьем...
И летели весело комки,
Как бы говоря: Живем! Живем!

Заветное желание

* * *

Раздумывая о богах и травах,
Чтобы покинуть электронный рай,
Иду я прогуляться в говнодавах,
Сказав супруге: "Дверь не закрывай".

Тут облегченье чувствуется сразу,
От ветерка бросает даже в дрожь.
Глотаю свежесть выхлопного газа,
На лысину ловлю кислотный дождь

И думаю: "О хляби вековые",
И думаю: "Какой особый путь!
Пора бы этой гребаной России
На путь нормальный наконец свернуть!"

Сонет. (Туман)

*В середине октября 2000-го года в Москве
на два дня установилась необычайно
безветренная
погода с густейшим туманом.*

Фонарь красивый многолучевой
В оправе черных листьев обитает.
Он освещает только угол свой,
На большее в тумане не хватает.

Туман – мохнатый призрак городской
Передо мной клубы свои сгущает
И путь перекрывает темнотой,
В которую, как в пропасть, наступаю.

Но вот, пройдя сквозь тьму, я попаду
На улицу Введенского. И что же?!
Здесь удивительный дворец из света сложен.

Туман шалит, как сказочный колдун...
Пусть завтра ветер стены уничтожит.
Сегодня ветра нет, и я войду!

Разочарование

Как надоел мне этот ложный пафос,
Головокружение осенних ясных дней,
Где день за днем я посещаю офис
И делаюсь от этого бедней.

Но хоть мне делать это все труднее,
Опять я улыбнусь календарю.
Пожалуй, улыбаться я умею.
И вот, что я о славе говорю:

Я тоже след оставляю в нашей жизни,
Ведь этого не избежать никак –
Два килограмма пепла в белой призме
И надпись – пятьдесят рублей за знак.

Осень

(из Райнера Марии Рильке)

Как-будто вянет в небесах далёкий сад,
Безвучно листья высота роняет.
И жест паденья словно отрицает.
И Землю от созвездий отделяет
Полночного падения распад.

Мы падаем, паденью нет конца,
Вот и рука, что это написала!
Но есть Один, что держит изначала,
Паденье наше с нежностью Отца.

Тревога

Я иду на работу, васильки еще спят.
Торф горит, пахнет дымом тревожно.
Предсказания смерти над нами висят
Апокалипсисом осторожным.

Но давно он со мною в кармане души
Рядом с горсточкой слов драгоценных.
Только эти слова вечный мрак не страшит –
Эфемерны они, но нетленны.

И когда мой создатель меня зачеркнет
И все это исчезнет,

тогда

Он страницу сожженную перевернет
И слова разберет без труда.
И, возможно, почувствует горечь и страх –
Словно криком, визжат тормоза.

Он внезапно заметит в нелепых стихах:
Васильки открывают глаза.

Содержание

«Бледно-зеленое горе, как руки русалок...».....	8
«Поутру прекратятся дожди...».....	9
«Кто-то сыплет снег из высоты...».....	10
Ничего не случится.....	11
Сонет. (Рассвет).....	12
Душа.....	13
«Внезапно по небу чиркнула дрожь...».....	14
Сонет. (Судьба).....	15
«Стенную сырость осень расписала...».....	16
Пинг-понг в пионерском лагере.....	17
В это время.....	18
Лесная школа.....	19
Сонет. (Письмо).....	20
Одиночество.....	21
Вструпление.....	22
Спящая царица.....	23
Еврейская мелодия.....	24
«Тополиный пух один...».....	25
На станции.....	26
Сонет. (Рябина).....	27
«Лист кленовый...».....	28
Утро.....	29
Сонет. (Бабье лето).....	30
Южное лето.....	31
Сонет («Когда ворочается медленный сонет...».....)	32
Заветное желание.....	33
«По ночам, когда я в комнате один...».....	34
Безобразный сон ночной.....	35
«Приятным летним вечером...».....	37
Будильник.....	38
Сонет.(Зеркальный магазин).....	39
Незнакомка.....	40
Стихотворение о травке.....	41
Плохой.....	42
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...».....	43
Белая собачка.....	44

Содержание

Звёздные войны.....	46
Переезд.....	47
Прогулка с собакой.....	48
На выставке Шагала.....	49
Хлорелла.....	50
«Ты будешь моею женой...».....	51
Падающие звезды.....	52
«Слова, что кажутся случайными...».....	53
«Когда до лезвия обидно...».....	54
«Пусти меня к ручью...».....	55
«Я никогда не появлюсь уже...».....	56
Феникс.....	57
Баллада. (Вариант).....	58
На кухне.....	59
Зимние каникулы.....	60
«Вот уже и листья почти все опали...».....	61
«Ногами вверх кричишь ли что...».....	62
«Как странно скроен этот март...».....	63
«Лабиринт узорных веток, запорошенный снежком...».....	64
«Мне не светит Нобелевская премия...».....	65
Сонет Егорову А.П.....	66
«О, как горят на солнце купола...».....	67
Ночные страхи.....	68
Сонет. (Золотые листья).....	69
Ночь.....	70
«Я иду, луна плывет...».....	71
Сонет. (Мама).....	72
«Раздумывая о богах и травах...».....	73
Сонет. (Туман).....	74
«Как надоел мне этот ложный пафос...».....	75
Осень (из Райнера Марии Рильке).....	76
Тревога.....	77

Ромм Михаил Наумович

**Заветное желание
Стихи разных лет (1980-2003).**

Предисловие Андрея Урицкого

Верстка и корректура Э. Ракитской

Св-во о государственной регистрации издательской
деятельности №304770000035725

Издатель А. Д. Богатых

Гарнитура "FuturaBookC". Формат 60 x 84/16

5 уч. изд. л. Тираж 100 экз.

Заказать книги издательства можно в Интернете по адресам:

www.dynamo-ny.com/sakansky/baemist.htm

www.niworld.ru

Познакомиться с условиями издания:

www.izdat.ru:8001/publish/era

Заказать рекламу ваших книг и литературных проектов
в интернете и подробно узнать о возможностях издания

Вашей книги можно по e-mail:

baemist@online.ru; era-telaviv@list.ru

и по тел. в Москве: 7(095)-431-02-97

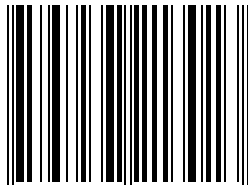
моб. 8-926-227-99-25

в Тель-Авиве: 972(54)-953-961

(для звонков внутри Израиля: 054-953-961)

Мы будем рады вам и вашим отзывам
о книге Михаила Ромма

ISBN 5-93721-301-7



9 785937 213013 >

